

УДК 821.161.1-311.2

doi 10.17072/2304-909X-2023-17-12-17

ВОЗДЕЙСТВИЕ «МОСКОВСКОГО ТЕКСТА» НА ОБРАЗ ГЕРОЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Мария Артуровна Бипперт

магистрант кафедры мировой литературы и методики её преподавания,
Филологический факультет

Красноярский государственный педагогический университет им.

В. П. Астафьева

660049, Российская Федерация, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89.

ma_bippert@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5722-1581>

Статья поступила в редакцию: 20.11.2023

В статье представлен анализ связи «московского текста» и образа его героя на примере произведений современных отечественных авторов: С. Минаева, Р. Сенчина, Д. Глуховского*, И. Шипнигова. Выявлены особенности образа обитателя столицы, обусловленные топонимикой. Материал дает характеристику Москвы как основной сюжетобразующей единицы, влияющей на портретную характеристику персонажей. Основной целью статьи является выявление особенностей создания образов героев в контексте «городского текста».

Ключевые слова: образ, «московский текст», герой, город, топонимика, вообразимость.

Образ Москвы – это важный пространственный образ русской литературы, он отражает перемены, происходящие в обществе. Благодаря появлению в первой половине XX в. «московской» прозы А. Белого, М. А. Осоргина, А. Платонова, М. А. Булгакова, Б. Л. Пастернака и др., «московский текст» начинает восприниматься в единстве социально-культурологических, топонимических, ландшафтных, цветовых и символических составляющих [Селеменова 2009: 21].

Опознаваемость города по соотношению его ключевых характеристик К. Линч называет вообразимостью: «Поскольку нас интересует предметное окружение в роли независимой переменной, мы будем искать предметные качества, которые соответствовали бы атрибутам

© Бипперт М. А., 2023

* Глуховский Дмитрий Алексеевич включен в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента. 07.10.2020. URL https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-01122023_DWAXKUn.pdf дата обращения: 10.12.2023)

опознаваемости и структуре мысленного образа. Это приводит к необходимости определить то, что лучше всего назвать воображаемостью, – такое качество материального объекта, которое может вызвать сильный образ в сознании произвольно избранного наблюдателя» [Линч 1982: 9]. Вообразимость города создает почву для появления «городского текста» как такового, что в свою очередь позволяет говорить и о типологической характеристике героя, репрезентирующего образ местности.

Пробуждение сильного образа в каждом конкретном наблюдателе создает почву для исследования особенностей героя: мировоззрения, круга общения, интересов, статуса в обществе. Понятие образа героя, как и понятие «городского текста», чрезвычайно многопланово, оно может включать в себя: облик, вид, подобие, изображение; живое, наглядное представление о ком-нибудь; художественное отражение идей и чувств; созданный художником или актером характер. В то время как «город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-то амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки» [Топоров 1995: 368].

Если говорить об образе протагониста произведения С. Минаева «Dухless. Повесть о ненастоящем человеке» (2006), стоит отметить, что он является укоренившимся обитателем центральной Москвы. Кутузовский проспект, Патриаршие пруды, «Спиридоновка», «Бронная», «Лубянка», Трехпрудный переулок, Ермолаевский переулок – именно такие исторически и культурно насыщенные места являются фоном его жизни.

Интересно то, что для героя центр столицы – лишь ареал обитания, декорации, обыденность. Он редко останавливает свой взгляд на окружающем величии места. «Я, как и многие москвичи, по-особому отношусь к этому месту в Москве. <...> На “Патриках” ощущается центр тяжести города. Хотя центром Москвы считается Красная площадь, я никогда ее не воспринимал подобным образом», – такая характеристика Патриарших прудов – буквально подвиг в словесном выражении чувств для героя [Минаев 2007: 43]. Протагонист анализирует действительность, в первую очередь, с точки зрения финансового обеспечения, связей, статуса, успешности, но иногда осознает, что его мир – бездуховная иллюзия: «Половины этого города просто не существует. По моему мнению, пространство внутри Садового кольца вечерами превращается в некое подобие компьютерной игрушки, населенной людьми-пустышками. Когда-то они были нормальными людьми, у них были мечты, души прекрасные порывы, проблемы и жизненные заботы. Но затем, в какой-то момент, они поняли, что легче превратиться в персонажей

гламурных журналов, героев и героинь танцпола, фей подиума и ресторанных рыцарей ножа и тарелки» [Минаев 2007: 65]. Несмотря высокий статус в обществе, герой несчастен в рамках Садового кольца. Пространство центра великого города не обогащает духовную сферу протагониста, наоборот, становится отягощающим фактором для развития души.

Иное пространство для реализации представлено в романе Р. Сенчина «Московские тени» (2009). «Новый реализм» автора обнаруживает проблемы другого слоя общества – людей более низких классов, которые отнюдь не наслаждаются праздностью жизни: «Вообще жизнь однообразная, с одинаковыми проблемами, делами, событиями, которые из-за их частой повторяемости уже не кажутся событиями. А разнообразить жизнь силенок не хватает. Дни следуют за днями частой цепью, не успеваешь и моргнуть, раскочаться, настроиться – уже вечер, хочется спать, а там новый день, такой же, как и вчерашний» [Сенчин 2009: 79]. Их «заедающий быт» реализуется за МКАДом, в районах, которые лишены значимых историко-культурных локусов, максимально унифицированы, перенаселены людьми [Селеменова 2015: 132]. Москва в прозе Р. Сенчина отступает от привычных для «московского текста» топонимов, расширяет свои границы, но кажется духовно опустошенной из-за отсутствия значимых для истории и литературы пространственных единиц: «Они обитают на Малой Грузинской, на Мясницкой и Ленинском. В Сокольниках, в Черемушках, Медведкове» [Сенчин 2009: 5].

Отнюдь не безуспешные люди, герои «Московских теней» могут классифицироваться в современном обществе как «средний класс»: те, у кого есть работа, достойная заработная плата, благополучная семья. Несмотря на внешнее благосостояние, пугает массовость однообразных жизней, персонажи Сенчина не только одинаково успешны, но и одинаково несчастны, равнодушны и опустошены. Их духовная составляющая воплощается в автоматизме существования, так называемом «дне сурка». Антитеза столица-провинция в романе практически не работает, поскольку Москва представлена как единственный настоящий город в стране: герои слепы в своем восприятии мира, для них важнее номинальная составляющая города, а не его возможности для реализации различных интересов.

Для молодого героя реалистического романа Д. Глуховского «Текст» (2017) столица является, наоборот, пространством для самосовершенствования: «Он приезжал в Москву из своей Лобни электричкой – в университет, в клубы, на концерты – и каждый раз воображал себе себя москвичом. Надо было только доучиться, найти работу в центре и

снять с друзьями квартиру. В Москве земля была волшебная, удобренная гормонами роста: ткну в нее свои желания – вырастут и работа денежная, и модные друзья, и девушки самые красивые» [Глуховский 2017: 8]. В прозе Сенчина такие районы, как Лобня, причисляются к столице, несмотря на их отдаленность. У Глуховского же герой проводит четкую границу между центральной Москвой, внутри Садового кольца, и местом его жительства – Лобней. Сознание юноши-филолога романтизирует центр столицы, но после семилетнего тюремного заключения образ города меняется пропорционально восприятию мира в целом: «Москва стояла сейчас как голое ноябрьское дерево – влажная, темная; раньше она была обросшая яркими вывесками киосками <...> - а теперь посурела, стяхнула с себя разноцветицу, разделась до гранита» [Глуховский 2017: 8]. Город перестает быть мечтой для героя, становится отражением суровой реальности, в которой дом, пусть даже в Лобне, – место, где его ждут: «Москва для Ильи была мачехой. ... А Лобня – как мать: ждала» [Глуховский 2017: 313].

Примечательно, что произведение автора нового времени, И. Шипнигова, «Стрим» (2021) вбирает в себя характеристику представителей разных слоев населения: и охранника обувного магазина, и продавщицы того же бутика, и его владелицы, и одинокого пенсионера-москвича, и девушки-филолога, которая оперирует именами великих авторов. Коллега по жанровому своеобразию Р. Сенчин назвал «Стрим» энциклопедией современной московской жизни, ее обитателей. В зависимости от того, какой герой репрезентирует реальность, меняется стиль, шрифт, грамотность повествования и, конечно, восприятие одних и тех же топонимов. Так, один из протагонистов говорит про Охотный ряд, часто упоминающийся в тексте: «...и это всё почему-то каждый раз было возле коня. ну, памятник на охотном ряду, мужик на коне с тонкими ногами» [Шипнигов 2021: 57]. Такое описание памятника Г. Жуковскому позволяет нам судить об отсутствии эрудированности у повествователя, о том, что историко-культурный контекст местности не важен для героя. Он увлечен своими проблемами бытового характера.

Другая героиня не менее пренебрежительно использует упомянутый локатив, преследуя примитивную цель, заключающуюся в покупке вещей: «пойдем завтра шопиться к нам в охотку, как раз и в наш бутик найдем...» [Шипнигов 2021: 94]. В этом контексте она также мечтает о белоснежном песке «бали мальдив ГОА», что образует коллизию между образом столицы и так называемой «заграницей». Эти места в ее представлении – мечта, которая вряд ли сбудется.

Наряду со снижением значимости историко-культурных локативов происходит поэтизация продуктовых магазинов, мест удовлетворения

первичных потребностей. В тексте нередко упоминается «Пятерочка» и «Азбука вкуса» как полярные по статусности торговые предприятия, но, несмотря на примитивность первого магазина, для жителей столицы – это место, дарящее счастье от покупок, удовлетворяющих физиологические нужды, место проведения досуга: «Для меня “Пятерочка” тоже стала своего рода клубом, куда я теперь хожу провести время наедине с собой...» [Шипнигов 2021: 165].

Н. Е. Меднис пишет о том, что «в начале XX века вполне определились три литературных лика Москвы: Москва сакральная, которая чаще всего выступает семиотическим заместителем Святой Руси; Москва бесовская; Москва праздничная» [Меднис 2003: 26]. Так, в современном «московском тексте» преемственность традиций сохраняется, но угол зрения смещается на сакрально-бесовскую столицу. Две этих ипостаси неразрывно существуют в призме восприятия героя независимо от его классовой принадлежности: и у жителя центральной Москвы, и у обитателей «приращенных» районов столицы сакральность города выражается номинально и в исторической памяти, а реальность заставляет героя чувствовать себя одиноким, ненужным, пустым в своем существовании. В образ современного московского героя можно включить бездуховность, безграмотность, стагнацию, потребительское отношение к жизни. Вообразимость города позволяет нам рассмотреть типологические черты системы персонажей через локусы их пребывания.

Список литературы

- Глуховский Д. А.* Текст. М.: Издательство АСТ, 2017. 320 с.
- Линч К.* Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
- Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с.
- Минаев С.* Духless. Повесть о ненастоящем человеке. М.: Издательство АСТ, 2007. 174 с.
- Селеменова М. В.* «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-ых гг.) // Вестник РУДН. Литературоведение. Журналистика, 2009. № 2. С. 20–27.
- Селеменова М. В.* «Московский текст» в творчестве Р. Сенчина / Пушкинские чтения, 2015. С. 131–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moskovskiy-tekst-v-tvorchestve-r-senchina> (дата обращения: 10.11.2023).
- Сенчин Р.* Московские тени. М.: Эксмо, 2009. 416 с.
- Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы». М.: «Прогресс» – «Культура», 1995. 530 с.
- Шипнигов И.* Стрим. М.: Лайвбук, 2021. 480 с.

IMPACT OF THE “MOSCOW TEXT” ON THE IMAGE OF THE HERO IN MODERN RUSSIAN PROSE

Maria A. Bippert

Master's student in the Department of World Literature and Methods of Teaching
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after. V. P. Astafieva

660049, Russian Federation, Krasnoyarsk, str. Ada Lebedeva, 89.

ma_bippert@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5722-1581>

Submitted 20.11.2023

The article presents an analysis of the connection between the “Moscow text” and the image of its hero in works of modern Russian authors: S. Minaev, R. Senchin, D. Glukhovskiy, I. Shipnigov. The features of the inhabitant of the capital are revealed thanks to the toponymy of his life. The research characterizes Moscow as the main plot-forming unit that influences on portrait characteristics of the characters. The main goal of the article is to identify the features of creating the image of heroes in the context of an “urban text”.

Key words: image, “Moscow text”, hero, city, toponymy, imaginability.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Bippert M. A. Воздействие «московского текста» на образ героя в современной отечественной прозе // Мировая литература в контексте культуры. 2023. № 17 (23). С. 12–17. doi 10.17072/2304-909X-2023-17-12-17

Please cite this article in English as:

*Bippert M. A. Vozdejstvie «Moskovskogo teksta» na obraz geroya v sovremennoj otechestvennoj proze [Impact of the “Moscow Text” on the Image of the Hero in Modern Russian Literature]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture]. 2023, issue 17 (23), pp. 12–17. doi 10.17072/2304-909X-2023-17-12-17*